

УДК 947.083

РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ СВОБОДНОГО КОНСЕРВАТИЗМА Ф.И. ТЮТЧЕВА

© 2009 В.Н. Шульгин

Российский государственный университет, г. Калининград

Поступила в редакцию 20.03.2009

Изучается дискуссионный вопрос о религиозности классика русского свободного консерватизма XIX в. Ф.И. Тютчева. Автор разделяет понятия “религиозность” и “церковность”, подкрепляя вывод об изначальной христоцентричности поэта-мыслителя анализом его поэтического творчества. Автор стремится показать связь между известными консервативными политическими сочинениями Тютчева и его религиозным мировоззрением.

Ключевые слова: свободный консерватизм, самобытничество, отечественная консервативная традиция, византизм, консервативная триада.

“Империя едина: православная Церковь – ее душа,
славянское племя – ее тело.
Если бы Россия не пришла к Империи,
то она зачахла бы”.
Ф.И. Тютчев, 1848 г.

В научной литературе до недавнего времени встречаются ошибочные суждения о религиозности Тютчева. Они появились ещё при жизни поэта-мыслителя. Его приятель (в пору их совместной дипломатической службы в Мюнхене) известный впоследствии иезуит кн. И.С. Гагарин утверждал, что в молодости Тютчев “отнюдь не был христианином”¹. Уже в наши дни В.В. Кожин писал о Тютчеве ещё категоричнее: “он жил на самой грани веры и безверия и уж, во всяком случае, – за пределами церкви, церковности”. И ещё одна поразительная “констатация” Кожина: “в силу своих иллюзий, Тютчев опирался на православную этику”². Однако совсем недопустимо отождествлять, как это сделал Кожин, нецерковность Тютчева с якобы его почти “безверием”. Это не только пример необоснованного обобщения, но и откровенно тенденциозный подход в духе кожиновских стремлений к синтезу “реального социализма”, начавшегося в 1917 г., и русских народных традиций. В литературе есть и здравые суждения. Так, Б.Н. Тарасов сделал обоснованный вывод о “христианском сознании” поэта, который, как и Пушкин, был справедливо убежден, “что человеческая природа “вне известных верований” несет в себе разрушительный потенциал “судорог бешенства””³. Тютчеву как человеку своего секулярного времени действительно недоставало духовного церковного опыта, но это вовсе не делало его неве-

рующим. Скорее он был определенно верующим христианином, но нецерковным человеком. Данная статья ставит своей задачей проследить за духовной направленностью творчества Тютчева, одного из основоположников отечественной свободно-консервативной традиции⁴.

Именно “вероучительная закваска” Тютчева в сочетании с основательным общением с Западом приводили его к мысли, что торжество европейского безверия, явившегося следствием последовательного отклонения западного Инославия от первоначального Православия, является основанием для мертвящего индивидуализма и атеистической революционности всех типов. Тот факт, что эта искренняя христианская убежденность была выражена у Тютчева в преобладающе идейной форме, ничего принципиально не меняет. Баварец и аристократ Карл Пфедфель (на сестре которого был вторым браком женат поэт-дипломат) так подчеркнул это обстоятельство уже после кончины Тютчева в 1873 г.: “Помню в юности я присутствовал при интереснейших беседах его с знаменитым Шеллингом, который был целиком поглощен идеей примирения философии с христианством, <...>. “Вы пытаетесь совершить невозможное дело, – возражал ему г-н Тютчев. – Философия, которая отвергает сверхъестественное и стремится доказывать все при помощи разума, неизбежно придет к материализму, а затем погрязнет в атеизме. Единственная философия, совместимая с христианством, целиком содержится в Катехизисе. Необходимо верить в то, во что верил святой Павел, а после него Паскаль, склонять колена *перед Бе-*

*Шульгин Владимир Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры специальных исторических дисциплин и региональной истории.
E-mail: shulgin_vladimir@mail.ru*

зумием креста или же все отрицать. Сверхъестественное лежит в глубине всего наиболее естественного в человеке. У него свои корни в человеческом сознании, которые гораздо сильнее того, что называют разумом, этим жалким разумом, признающим лишь то, что ему понятно, то есть *ничего!*”⁵. Этих слов баварского свояка Тютчева вполне достаточно, чтобы убедиться в базовой христианской убежденности русского поэта и мыслителя уже в его молодые годы.

Ф.И. Тютчев с самых молодых лет был поставлен в условия, потребовавшие от него национального самоопределения, итогом которого стало возрожденное им московско-византийское учение о симфоническом союзе православной государственности и церковности. Еще юношей он встретился с Западом, явившимся к нему литературными произведениями, памятниками религиозной и философской мысли. Студентом Тютчев штудировал христианскую апологетику Блеза Паскаля (“Мысли”), читал исповедальную прозу Жан-Жака Руссо⁶. Борьба между радикализмом и религиозностью, совершавшаяся в душе 17-летнего студента, была естественной в то переломное время нравственного и религиозного в своей основе выбора. Тютчев после окончания университетского курса в Москве стал сотрудником русской дипломатической миссии в Баварии. О последствиях непосредственной тютчевской “встречи с Западом” писал в 70-е гг. XIX в. тот же барон Карл Пфеффель. Он вспоминал, что во второй половине 20-х гг. Тютчев с целью самообразования посетил Париж, где познакомился со “спиритуализмом Кузена, либеральным доктринерством Гизо, классическими теориями Виллемана”. Пфеффель свидетельствовал о полной интеллектуальной зрелости Тютчева, отмечая: “За исключением Шеллинга и старого графа де Монжеля (видного государственного деятеля Баварии – В.Ш.) он не нашел себе равных собеседников, хотя едва вышел из юношеского возраста”. Что касается окончательного результата, к которому привела Тютчева его первоначальная встреча с Западом, растянувшаяся на 20 с лишним лет (до осени 1844 г.) и подготовившая его последующую “национальную деятельность” в отечестве, Пфеффель резюмировал его следующим образом: “Во Франции сильное умственное движение, возникшее в 1814 г., уступило место поклонению материальным интересам или бесплодной борьбе честолюбий. Среди этого застоя Тютчев почувствовал отвращение к Западу и обратился к своей исходной точке – к России”⁷.

Аналогичные выводы с уточнением роли Тютчева в развитии русской национальной мысли сделал еще при жизни своего приятеля консерва-

тор-самобытник М.П. Погодин, записав о нём в дневнике (за ноябрь 1868 г.) следующее: “Барич по происхождению, воспитанный на немецкой литературе, проведший лет тридцать в Германии, в Мюнхене, в пучине немецкой учености, сибарит, редко говоривший по-русски, – *он является в наше время решительно первым представителем народного сознания о Русской миссии в Европе, в Истории*; никто в России не понимает так ясно, не убежден так твердо, не верит так искренно в её призвание, как он”. Погодин попутно обобщил итоговые результаты, к которым пришел Тютчев, сказав, что точно такой же духовный путь прошел Пушкин, “воспитанный на французских стихах”, который в конце концов “нашел язык “Бориса Годунова””, став “истинно национальным поэтом”⁸. Сам Погодин, принадлежавший к тому же самому кругу русских свободных консерваторов, что и другие последователи Карамзина, почувствовал суть подлинно стержневой национальной традиции свободного консерватизма, столь мощно укрепленной Пушкиным, затем и Тютчевым.

На недоброжелательном Западе Тютчев действительно был первооткрывателем русской самобытности, основывавшейся на её религиозной “отдельности”. И.С. Аксаков в этой связи писал: “Только с высоты того церковно-исторического сознания, которое доступно каждому Русскому как православному (ибо Русская народность немислима вне православной стихии), открывается во всей своей ширине исторический горизонт христианского Запада, разъясняется весь смысл его внутренней борьбы <...>. На этой-то высоте и стал Тютчев..., первый осветил историческую жизнь Запада светом Русской, христианской православной мысли, – первый заговорил с западным обществом языком Русского и православного и не поколебался пред лицом всего мира указать ему новый мир мысли и духа – в России”. Одновременно эти работы Тютчева были нацелены на перевоспитание русского общества и официальных кругов, которые “не отваживались... сняться с буксира Европейского общественного мнения”⁹.

Итак, именно встреча с Западом способствовала вызреванию у Тютчева русского традиционного православно-ориентированного воззрения на весь комплекс внутренних и внешних проблем, вставших перед Россией в постнаполеоновскую эпоху. Тютчев пошел путем Карамзина и Пушкина, увидев в русском торжестве над Европой “двунадесяти языцев” не просто проявление одной лишь государственной силы, но следствие той вековой духовной русской правды, которая была сокрыта под её петровским полуголландским мундиром. Не всем взыскующим русским душам встреча с Западом су-

лила такой же самобытно-консервативный итог. Одни, как Герцен, становились радикальными отрицателями и постреволюционной либеральной Европы, и христианской России, другие, как приятель и сослуживец Тютчева, кн. И.С. Гагарин, уходили в католицизм, прощаясь со Святой Русью, так и не узнав её сути¹⁰.

Интересно, что Гагарин, так же, как Тютчев, рано почувствовал некую общность противостояния западных стран России. В 1875 г. в письме к А.Н. Бахметевой Гагарин вспоминал свои впечатления конца 20-х – начала 30-х гг. и писал об утвердившейся в нем непоколебимой убежденности, что “по крайней мере в сравнении с другими европейскими странами Россия имела свой особый характер, отделявший ее от этих стран рубежом гораздо более глубоким, нежели тот, который мы видим между Германией и Италией, Англией и Францией, Испанией и Швецией”¹¹. Правда, выводы Гагарин сделал диаметрально противоположные тютчевским. Тютчев сроднился с Россией “верных”, увидев в ней самобытный церковно-царский потенциал, Гагарин же окатоличился в самом последовательном смысле, став священником-иезуитом и отрицателем цивилизационных возможностей русской своеобразности. И это всё при том, что Гагарин как ценитель поэзии Тютчева многое сделал для ознакомления самого Пушкина и деятелей его свободно-консервативного круга с творчеством молодого русского поэта-дипломата. Тютчев с самых ранних лет имел качественно иные национальные впечатления, которых так не хватало его товарищу, Гагарину. Б.К. Зайцев обратил внимание на наличие “русской закваски” в семействе Тютчевых, несмотря на обычную франкофонию культурной элиты того времени: “В доме смесь духа православного с французскими влияниями. Так и всегда было в барстве русском. Говорили в семье по-французски, а у себя в комнате Екатерина Львовна, мать поэта (урожденная графиня Толстая), читала церковно-славянские часословы, молитвенники, псалтыри”¹². Душа поэта отзывалась на разнообразие духовных впечатлений.

Летом 1820 г. юный поэт пишет большое стихотворение “Уrania”, названное по имени греческой мифической музы, покровительницы науки. Эта “пьеса”, как тогда говорили, сделала имя ещё 16-летнего Тютчева известным. Консерватор-самобытник С.П. Шевырев упомянул в связи с этим в своей “Истории императорского Московского университета” (1855 г.) о “рождении” нового поэта¹³. Поэт платонически зрит Божественную “Мудрость” и “Истину” “Небесного храма”, утвержденную в основании земного Бытия: “Се Мир вечно-юный, златыми цепями / Связавший семейства, народы, царей; / Суд

правый с недвижимыми вечно весами; *Страх божий*, хранитель святых алтарей <...>”¹⁴. В таком онтологически-консервативном духе юноша Тютчев, не зря бывший любимцем своей богомольной матери, дает свой усовершенствованный Христианским мирочувствием аналог “списка” сократовских духовных “общих понятий” (по Тютчеву “высших сил”), перечисляя божественные, энергийные начала, которые составляют “соль земли”, её духовную “закваску”.

В этом первом историсофском стихотворении Тютчева высказывается попытка понять место России в череде цивилизованных народов, поочередно несших свою лепту на алтарь просвещения. В стихотворении еще много того универсалистского “просветительского” содержания, которое мы видим в нашем XVIII в. Так, подобно Петру Великому юный Тютчев был уверен, что эстафету всеобщего просвещения подхватила Россия, родившая Ломоносова, воспевшего подвиги “отца, царя героя” (Петра Великого). Затем явился Державин, “прорекший” “Царя-героя в колыбели” (Александра I, победителя наполеоновской Европы). Просвещенные русские цари и певшие их подвиги поэты – вот главные зиждители русского просвещения по Тютчеву. Завершается стихотворение изъявлением веры поэта в цивилизующий Россию, исходящий от Бога союз царя и вождей просвещаемого народа. Тютчев так писал о царствующем Александре Благословенном: “Он с нами днесь! <...> Над ним почует божий дух! <...>”. С Александром торжествует и русский “гений просвещения”, (очевидно, речь идет о Пушкине), залог будущего блаженства России¹⁵.

Итак, по мысли Тютчева, гармонический союз трех высших сил по мановению свыше руководит судьбами России: страх божий и вера, священная монархическая христианская власть и народная поэтически-просвещенная лира, последовательно воплощенная в Ломоносове, Державине, Пушкине. Фактически в этих стихах содержится ранний тютчевский вариант суждения о Русской самобытной триаде церковности, царственности и народности, издревле сознававшийся просвещенной Россией. Тютчев, очевидно, исходил из той убежденности, что до русской просветительской волны XVIII в. мир не знал устойчивого союза монархического и поэтического начал цивилизации. Был другой союз, поэтико-религиозный. И только Россия сливает тройственный союз религии, царственности и поэзии (высшего проявления народности) в одно гармоническое явление. Три поступательных этапа истории русского просвещения в новейшее время изображает поэт. Подвиг Петра Великого и его наследование Елизаветой Пет-

ровной привели к “восстанию” из народных глубин Ломоносова (“Росского Пиндара”). Слава Петра на Севере воодушевила екатерининские подвиги на Юге (“И Фивы новые зарделися в лучах”). Дела Екатерины отозвались в державинской лире (“Певца Фелицы”). Третий, уже современный Тютчеву период – время Александра (“Царя-героя”). Какой же поэт был подстать царственному герою-победителю наполеоновской Европы? Тютчев не называет Пушкина по имени, также как *он не назвал по имени ни одного поэта* древних и позднейших европейских времен. Но в соответствии с логикой Тютчева, которая, повторяю, в данном стихотворении не имеет исключений, он должен был непременно назвать глашатая и певца того времени русской всемирной славы, которое наступило после победы над Наполеоном. Очевидно, именно Пушкин имеется в виду Тютчевым, когда поэт говорит о сиянии того, кого он называет “**гений просвещения**”, который “Блестя светом обновленья, / Блажит своих веселье дней!”. Юный Тютчев, очевидно, так писал о 20-летнем еще беззаботном Пушкине, понимая, что этот “гений” лишь начинает свой путь и верит, что “священны” его “клятвы” служения прекрасному исполнятся и “... постоянный, неизменный, / В своей блестящей высоте, / *Монарха* следуя заветам и примеру, взнесется, опершись на Веру, К своей Божественной мете”¹⁶. Таким образом, в этом раннем стихотворении Тютчев впервые для себя выступает пророком торжества русской самобытности, опирающейся на царское и вероучительное начала, которые порождают всякий раз певцов-поэтов единой истины, равновеликих вызвавшим их рождение русским подвигам, совершенным у священного престола Царей.

Конечно, иной исследователь может предположить и другое толкование выражения “гений просвещения”, которое будет трактоваться безлично, как указание Тютчева на общий зижделательный дух развития русской культуры, получивший мощный импульс после эпохального 1812 года. Но такое объяснение представляется ошибочным вследствие самого строя мысли Тютчева, который всякий раз персонифицирует русские цивилизующие начала. Определенные Царь (или Царица) в своем творческом порыве, “опирающемся” на “Веру”, способствуют рождению из недр народных (“восстанию”) не безличного культурного импульса, но *определенного Поэта*. Подвиг Александра Благословенного неизбежно должен по логике Тютчева (по сформулированному им закону гармонического соответствия начал Триады) породить единственную в своем роде гениальную личность. И если по священной монаршей линии устанавливается преемственность Русской Сла-

вы по линии Пётр-Екатерина-Александр, то по народно-поэтической ей соответствует и сопутствует линия Ломоносов-Державин-Пушкин. И действительно, к 1820 г., когда было написано разбираемое стихотворение, роль Пушкина как первого поэта уже начинала осознаваться. Так, студенты-приятели Погодин и Тютчев в 1820 г. неоднократно обсуждали произведения поэта. Известная исследовательница-филолог Н.В. Королева давно сделала обоснованный вывод, что “чтение Тютчевым Пушкина уже в 1820 году явилось важнейшим звеном в формировании этого поэта, родившегося позже Пушкина лишь четырьмя годами и начинавшего писать стихи одновременно с ним”¹⁷.

Ранний Тютчев, в отличие от раннего Пушкина¹⁸, никогда не вставал на вольтеррианский путь осмеяния святынь Христианства и православной монархической государственности (хотя и сам Пушкин никогда не был нигилистом и мечтал о гражданской свободе в России, данной “по манию царя”, то есть признавал законность царской верховной власти). С другой стороны, Тютчев так же, как и Пушкин, вынужден был преодолевать душевные сомнения. “Правильные” слова его торжественных стихов, в которых он призывал следовать “Вере” с большой буквы, порой в ранние годы сочетались с мировоззренческими “отступлениями” в духе скептического века. Примерно в одно и то же время Тютчев соглашается с той христианской истиной, которая гласит, что есть тот вышний божественный мир, “где нет сирот, где вере исполненье; / Где солнца истины в нетленных небесах” и он же, с другой стороны, по примеру протестанта И. Канта сомневается в необходимости молитвы, обращенной к Богу. При этом Тютчев цитирует великопостную молитву Ефрема Сирина, которая позже вдохновит Пушкина на создание поразительного по силе её поэтического переложения (“Отцы пустынники...”). Тютчев, обращаясь к самому Богу, так усомнился в необходимости молитвенной жизни: “Не дай нам духу празднословья!” / Итак, от нынешнего дня / Ты в силу нашего условия / Молитв не требуй от меня”¹⁹. Пик духовных сомнений, характерных для первого периода творчества поэта, который специалисты считают завершившимся в 1836 г., наступает ко времени написания короткого стихотворения, где есть такие строки: “Мужайся, сердце, до конца – / И нет в творении Творца! / И смысла нет в мольбе!”²⁰.

Важно понимать, что подобные сомнения молодого Тютчева не свидетельствовали о его фатальном безбожии. В стихотворении “Проблеск” (1825 г.) Тютчев подобно Пифагору говорит о божественных небесах, из которых исхо-

дят звуки “ангельской лиры”, что убеждает в бытии “бессмертного” высшего духовного мира, к которому подчас устремляется “душа”, стремящаяся вырваться из скорбного “земного круга”. Чуткий человек верит в божественное (“Как верим верою живою, / Как сердцу радостно, светло!...”). Но душа утомляется в этом “волшебном сне” небесного божественного бытия, вновь возвращаясь к земным скорбям: “... Мы в небе скоро устаём, – / И не дано ничтожной пыли / Дышать божественным огнем”²¹. Конечно, эти стихи свидетельствуют о духовных поисках поэта, которые подчас сильно отклонялись от христианской доминанты, но не в такой степени, чтобы, в конце концов, не возвращаться к ней опять. И до периода сомнений, и после его завершения Тютчев был убежден в истинах Христианства и в силе молитвы. Еще 13-летним юношей (в 1816 г.) он оставляет в альбоме друга следующую запись (оригинал на французском языке): “Наши именины так печальны в этом году, мой возлюбленный друг, поздравления не идут у меня с кончика пера, поэтому пусть в этом альбоме будут только мои молитвы о твоём счастье, с которыми я постоянно обращаюсь к небу; всецело положиться на Волю Всевышнего – в этом единственное подлинное благо, и я обращаю к Нему *мои молитвы за тебя* <...>”²². В стихотворении 30-х гг. “Восток белел”, созданном еще в первый свой творческий период, Тютчев уже “реабilitирует” молитву к Богу, считая таковую нормой жизни: “Восток алел... Она молилась, / С кудрей откинув покрывало, – / Дышала на устах молитва, / Во взорах небо ликovalo...”²³. В стихотворении 1834 г., посвященном лютеранскому богослужению, поэт также выступил апологетом молитвы. Тютчев относился к Протестантизму двойственно, поскольку последний верно почувствовал грехи Католичества, но, в свою очередь и сам уклонился к религиозной “пустоте”, отказавшись от церковного Предания. Самая концовка стихотворения, в которой повествуется об отходящей от протестантов “вере”, звучит так: “... Еще она не перешла порогу, / Еще за ней не затворилась дверь... / Но час настал, пробил... *Молитесь Богу, / В последний раз вы молитесь теперь*”²⁴.

Тютчев явно был “духовной жаждой томим”, проникаясь со временем все большей христоцентричностью. Его учение о вечной Православной Империи основывалось на твердой вере в Божественные неотмирные начала жизни. Очевидно, в этой связи далеко не случайным было пристальное внимание Тютчева и к истинно духовным стихотворениям поэтов-христиан Запада, которые он стремился переводить в молодые годы. В переводах из Гёте Тютчев обратил внимание на христианские вероучительные установ-

ки великого немецкого поэта-мыслителя. Из “Западно-Восточного Дивана” Тютчев в конце 20-х гг. выбрал строки, в которых Гёте мысленно устремлялся на Восток, помогающий дерзновенным душам дойти “До истоков потаенных / Первородных поколений, / Гласу Божиих велений / Непосредственно внимавших / *И ума не надрывавших!*. <...>, / *Где во всем хранилась мера, / Мысль тесна, пространна Вера...*”²⁵. Конечно, в этих строках выражено сочувствие чисто религиозному взгляду на мироздание, при котором ценится стремление к стяжанию чести восприятия Божественных Откровений, а не способность к поверхностным внерелигиозным рационалистическим суждениям, безразличным к добру или злу, к нравственному строю бытия. В другом переведенном отрывке из “Фауста” Тютчев остановился на тех строках немецкого гения, в которых тот говорит о предельной трудности жизни по “Вере”. Причем слово “вера” Тютчев неизменно пишет с заглавной буквы²⁶. Герой Гёте понимает, что религиозность – это “мать чудес родная”, открывающая святую истину “благой вести” и правды бытия. И неложно верующему человеку даруется божественная истина, являющаяся вместе с “лобызанием” Небес “в воскресной тишине”. Человеческая душа отзывается ответной благодарной “живой молитвой”²⁷. Поиски истинной духовности приводят Тютчева еще в совсем молодые годы (конец 20-х гг.) к переводу большого отрывка немецкого поэта Цедлица о Байроне. Цедлиц осуждает с христианских позиций этого английского романтика за богоотступничество. Тютчев, несомненно, соглашался с этими обвинениями в адрес выдающегося поэта, породнившегося со “Злосчастливым Духом”, и ставшего “могучим, величавым” “хулителем Мироздания”²⁸.

Тютчева измлада волновала тайна скорбящей человеческой души. Природа и Церковь – вот два его “рецепта” спасения. Поэт верит и в мировую красоту вечно обновляющейся природной жизни, и в храмовую “воскресную тишину”. 35-летний Тютчев советовал людям родниться с весной возрождающегося земного мира: “И жизни божеско-всемирной / Хотя на миг причастен будь!”²⁹. С другой стороны, как христианин, Тютчев писал о прекрасном “светлом Храме”, стоящем на горной вершине: “Там в горнем, неземном жилище, / Где смертной жизни места нет, / И легче и пустынно чище / Струя воздушная течет. / Туда взлетая звук немеет, / Лишь жизнь природы там слышна – / И нечто праздничное веет, / Как дней воскресных Тишина”³⁰. Молодой Тютчев чувствует и трагичность человека, которому Бог воздал за первоначальное согрешение, и соглашается с христианской апокалипти-

кой о конце земного времени (“Когда пробьет последний час природы, / Состав частей разрушится земных: / Все зримое опять покроют воды, / И Божий лик изобразится в них!”³¹). Все эти процитированные стихотворения первого периода творчества поэта свидетельствуют о его несомненной религиозности, в которой он, бывало, раздваивался между тягой к пантеизму и природной любовью к Христианству, взлелеянной его православной матерью. Не случайно видный русский религиозный философ С.Л. Франк, комментируя раннее тютчевское стихотворение “Лебедь”, отмечал, что читатель слышит своеобразную “религиозную симфонию”, выражающую “небесное глубже, чище, яснее, чем стихию весны, утра, юности”³².

Во второй период поэтического творчества религиозная напряженность дум и чувств поэта обретала все более и более православные черты. Он часто склонялся к покаянию, как, например, в стихотворении 1851 г.: “Не знаю я, коснется ль благодать / Моей души болезненно-греховной, / Удастся ль ей воскреснуть и восстать, / Пройдет ли обморок духовный? <...>”³³. Тютчев не отделял своих личных грехов от греховных заблуждений своего века. Это чувство вылилось в известное стихотворение того же года “Наш век” (“Не плоть, а дух растлился в наши дни / И человек отчаянно тоскует”). Беда духовно скорбящего современного человека в том, что он перестает быть к тому же человеком, взыскующим истины. Поэт эту духовную беду современности точно передает следующими заключительными строками: “Не скажет век, с молитвой и слезой, / Как ни скорбит перед замкнутой дверью: “Впусти меня! – Я верю, Боже мой! / Приди на помощь моему неверью!...”³⁴. Чувство покаяния постоянно влекло Тютчева к чистой вере, по крайней мере, это его намерение было очевидным. В 50-е гг. поэт писал: “Пускай страдальческую грудь / Волнуют страсти роковые – / Душа готова, как Мария, / К ногам Христа навек прильнуть”³⁵. Снова и снова задумываясь о личной и общественной поврежденности, вопрошая свою душу о том, что же делать, и к чему стремиться, поэт отвечал самому себе (во второй половине 50-х гг.) в православном духе: “Растленье душ и пустота, / Что гложет ум и в сердце ноет, – / Кто их излечит, кто прикроет?.. / Ты, риза чистая Христа...”³⁶.

Тема противостояния высокого, небесного, духовного и грешного, низкого, земного, была, таким образом, постоянной у Тютчева. Само её выдвижение свидетельствовало о высоких потенциальных религиозных устремлениях поэта. В стихотворении (1864 г.), посвященном императрице Марии Александровне, супруге Алек-

сандра II, высоко ценившей общение с поэтом, Тютчев писал, что “есть мир лучший, мир духовный” и прибавлял, глядя на достоинства царицы: “Душа хотела б ей молиться...”³⁷. Отсюда истекла уверенность Тютчева в чудесном действии Божественной благодати по отношению к тем, кто стяжал её своими достоинствами. Эту мысль он высказал в прекрасном стихотворении 1870 г., посвященном А.В. Плетнёвой, жене видного профессора-филолога П.А. Плетнева (ректора столичного университета, друга Пушкина и Тютчева), скончавшегося в 1866 г. “Сердце верит в чудеса”, – пишет поэт в первых строках стихотворения. Чудо в том, что “увядание земное” никак не вредит небесной красоте духовного мира. И религиозная вера, знающая это, никогда “не обманет” человека. Но эта благодатная вера возможна “для немногих” людей, сроднившихся с идеей жертвы Христовой: “... Лишь тем доступна благодать, / Кто в искушениях жизни строгих, / Как вы, умел, любя, страдать, // Чужие врачевать недуги / Своим страданием умел, / Кто душу положил за други / И до конца все претерпел”³⁸. Подобные высокие чувства бытия Бога и Его проявлений в этом мире были типичными для Тютчева, что несомненно свидетельствует о его искренней вере, хотя и не сопровождавшейся высокой практической и действенной церковностью. Так, поэт, следуя державинской традиции (в 1865 г.), прославляет Бога-Отца Вседержителя и высказывает истинно религиозную мысль о напрасных надеждах человеческой гордыни на земное счастье в случае отрыва человека от благой жизни, от стяжания Божественной благодати. Лишь людям, живущим “единым на потребу”, даровано счастье всей полноты жизни: “Душа, душа, которая всецело / Одной заветной отдалась любви / И ей одной дышала и болела, / Господь тебя благослови! // Он милосердный, всемогущий, / Он, греющий своим лучом / И пышный цвет, на воздухе цветущий, / И чистый перл на дне морском”³⁹. В процитированных стихах отчетливо выражена православная мысль Тютчева о страдании и жертвенности как источнике смирения и Богопознания. Одушевленный подобными высокими чувствами вышней правды, Тютчев однажды послал священную книгу “Нового Завета” (в 1861 г.) старшей дочери Анне, прилагая стихотворение, в котором советовал ей в тяжелую пору прибегать к Евангельскому благовестию: “Вот в эти-то часы с любовью / О книге сей ты вспомни – / И всей душой, как к изголовью, / К ней припади и отдохни”⁴⁰.

Примечательно, что самое последнее стихотворение Тютчева (“Бывают роковые дни...”), написанное перед кончиной в 1873 г., также яви-

лось произведением, проникнутым искренней религиозностью. Оно адресовалось А.В. Никитенко (1804-1877), профессору-филологу, академику и чиновнику Петербургского цензурного комитета, навещавшему смертельно больного Тютчева. Никитенко в своем некрологе так отзывался о последнем предсмертном периоде жизни великого поэта-мыслителя: “Несколько месяцев Тютчев страдал жестоким недугом. <...> Но и среди, можно сказать, развалин его физического состава, его не покидала ни светлая мысль, ни теплое чувство ко всему прекрасному, ни участие в судьбах дорогой ему отчизны и всех близких ему существ. <...> ... мы слышали еще из уст его приветливые и трогательные слова и вместе с тем он передавал нам свою заботу о каком-то бедном сироте, о котором он просил одно высшее начальственное лицо. Вот, можно сказать, предсмертное излияние его чувствований в строках, присланных им нам и начертанных дрожащею рукою, которые мы с трудом могли разобрать”⁴¹. Далее Никитенко сообщил последнее стихотворение Тютчева, проникнутое чистым духом религиозности. Поэт говорит: “Бывают роковые дни / Лютейшего телесного недуга / И страшных нравственных тревог...”. Но приходят близкие, навещают друг: “Счастлив, кому в такие дни / Пошлет всемилосердный Бог / Неоценимый, лучший дар – / Сочувственную руку друга, / Кого живая, теплая рука / Коснется нас, хотя слегка, / Оцепенение рассеет...”. Тогда “Воскреснет жизнь, кровь заструится вновь, / И верит сердце в правду и любовь”⁴².

Высшая, оживляющая всё вокруг истина человеческого бытия в омофоре Божественной любви, которой и мы можем стать причастны по Его благодати – вот последняя духовная мысль великого поэта и мыслителя, которую он нам оставил в наследство и руководство. Так замкнулся поэтический круг жизни великого русского поэта-мыслителя, который начал свое творчество с изложения одной из важнейших заповедей-истин Ветхого Завета, повелевающей чтить родителей, а завершил изъявлением своей сыновней признательности к Евангельскому откровению о Божественной любви⁴³. Недаром П.И. Бартенев (1829-1912), редактор журнала “Русский архив”, собравший много материалов по истории русского общества и отечественной культуры, в том числе относившихся к Тютчеву, обратил пристальное внимание на высокую духовную доминанту его творчества, высоко оценив значение деятельности поэта и мыслителя: “Его лучезарная голова – в неувядаемом венке живой поэзии; высокий строй его мыслей, беспредельная широта его сочувствий, что-то вещее, бывшее в Тютчеве, не умрут, пока сохранится на

земле Русское слово и Русское имя”⁴⁴.

Сказанное выше очевидно проясняет те духовные основы, которые влекли Тютчева к важнейшим историософским выводам, относящимся к главной проблеме, интересовавшей его всю сознательную жизнь, а именно, к вопросу о судьбах России, как православной страны, о смысле её исторического бытия. Известные высказывания Тютчева о прямой зависимости истинной государственности от истинной же церковности были прямым следствием всего поэтического строя его личности, стремившейся во всем дойти до истинных положительных основ и первоначал русской судьбы. Бога и Его Церковь, православную Церковь, нельзя отделять от жизни государства и переселять на какие-нибудь ложные “острова блаженства”. Церковь предполагает Христианскую государственность или Царство (Империю), – вот смысл следующих формул Тютчева: “Нельзя отрицать христианскую Империю без отрицания христианской Церкви. Они соотносительны между собой. В обоих случаях происходит отрицание *предания*”; “Церковь, освящая Империю, присоединила её к себе – следовательно, сделала её окончательной”; “Восточная Церковь есть православная Империя, Восточная церковь есть законная наследница вселенской Церкви, православная Империя едина в своём основании, тесно связана во всех своих частях”; “Россия – это мир, только начинающий осознавать основополагающее начало собственного бытия. А осознание этого начала и определяет историческую законность страны. **В тот день, когда Россия вполне распознает его, она действительно заставит мир принять своё начало**”⁴⁵. Эти строгие формулы-выводы, действительные по сей день, основались на изначальной христоцентричности личности Тютчева.

Внимание к основополагающим духовным вопросам жизни в сочетании с дипломатической службой, которой с самых ранних лет после окончания университета был занят Тютчев, привели его к неизбежным размышлениям о различии путей развития России и Запада. Как и всегда, стремясь дойти до духовных первоначал любого изучаемого феномена, поэт-мыслитель был в числе самых первых светских культурных деятелей, осознавших первичность именно религиозного противоборства между европейским Востоком и Западом. При этом Тютчев выступил прямым вдохновителем А.С. Хомякова в создании эвристической схемы последовательного отступничества Западной Европы от истинно православных начал первоначального Христианства. Более того, Тютчев связал воедино вопрос церковного раскола с проблемой определения истинного облика Христианской государствен-

ности, являющейся в виде законной Империи. Тютчев с неоспоримой логикой глубочайшего национального мыслителя пришел к выводу, что западное религиозное отступничество в вопросах веры привело к неизбежному же его отступничеству от истинной идеи христианской государственности. Восточная Церковь способствовала рождению истинной христианской государственности, Византийской Империи, передавшей законность своего наследия Русской Империи. Так, в новую историческую эпоху благодаря Тютчеву в русское национальное самосознание стали возвращаться те идеи, которые в XVI в. высказывал псковский монах-старец Филофей, возгласивший свое учение о Москве как истинном христианском Граде Божиим, вечном Риме, Царстве, стоящем на камне веры истинной.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- ¹ Литературное Наследство. Т. 97. Кн. 2. М.: Наука, 1989. С. 49.
- ² Литературное Наследство. Т. 97. Кн. 1. М.: Наука, 1988. С. 196-197.
- ³ *Тарасов Б.Н.* Куда движется история? (Метаморфозы идей и людей в свете Христианской традиции). СПб.: Алетейя, 2001. С. 121.
- ⁴ Автор данного материала ввёл в оборот этот термин, полагая, что истинный просвещенный консерватизм, который не отворачивался от всего передового, но и одновременно стремился к творческому сохранению традиционных устоев царской России, пока остается в историографической тени. Это недопустимо, поскольку смешение двух консервативных типов, бытовавших до революции, свободного – карамзинского и казенного – бенкендорфовского, препятствует пониманию сути того самобытного модернизационного проекта, в создании которого принял участие и Тютчев. См, например: *Шульгин В.Н.* 1) Православная церковность в русском консервативном самосознании // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарный выпуск. 2004. № 1 (31). С. 70-81; 2) Типология и периодизация русского дореволюционного консерватизма // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Спецвыпуск “Гуманитарные исследования”. Самара, 2005. С. 58-69; 3) А.С. Пушкин как духовный наследник Н.М. Карамзина и предтеча славянофилов // Вестник Российского государственного университета им. Иммануила Канта. Вып. 12: Сер. Гуманитарные науки. Калининград, 2008. С. 14-21.
- ⁵ Литературное Наследство. Т. 97. Кн. 2. М.: Наука, 1989. С. 37 (курсив Пфедфеля). В этом письме-некрологе, направленном давнему французскому оппоненту Тютчева, католик Пфедфель невольно неправомерно “окалоличил” Тютчева, выдав его за апологета ордена иезуитов лишь на том основании, что русский поэт-мыслитель, во-первых, точно понял органическое сродство Папства и иезуитства, во-вторых, обоснованно критиковал протестантско-рационалистическую подоплеку политического курса Пруссии в отношении к Франции. – См.: Там же. С. 36-37.
- ⁶ Тютчев Ф.И. Полн. собр. соч. и письма в 6-ти т. Т. 4. М.: Изд. Центр “Классика”, 2004. С. 10, 13, 14.
- ⁷ Литературное Наследство. Т. 97. Кн. 2. С. 33-35.
- ⁸ Литературное Наследство. Т. 97. Кн. 2. С. 28 (курсивом выделено мною – В.Ш.). Тютчев и Погодин были однокашниками по словесному отделению Московского университета и впоследствии поддерживали отношения. Уже в почтенные лета они по рассеянности Тютчева обменялись шубами в раздевалке театра. Возвращая шубу Погодина, Тютчев писал в записке, что нечаянный обмен – намёк на давний их идейный “обмен”, то есть духовное сочувствие. Сам Погодин по смерти приятеля молитвенно испрашивал для него жизни вечной, помятуя великие заслуги Тютчева: “Да исправится и в книге твоей жизни, почивший брат наш, помазанный человек русский, истинный Европеец, да простится тебе за постоянное стремление ко всему доброму, честному, благородному, за твою разумную, деятельную любовь к отечеству, за твоё горячее участие в судьбе несчастных славянских племен, за твоё личное смирение, да простится тебе все, в чем ты, яко человек, согреши, и... сердцем сокрушенным покаялся. – Там же. С. 27 (курсивом выделено мною – В.Ш.).
- ⁹ *Аксаков И.С.* Биография Федора Ивановича Тютчева. М.: Тип. М.Г. Волчанинова, 1886. С. 174-175.
- ¹⁰ На этот феномен западного вызова, требовавшего русского духовного ответа и приводившего к столь различным результатам, обратил внимание Ф.М. Достоевский, сказавший о “парадоксально” противоположной реакции различных русских типов на европеизм. Классик почвенничества писал, что “европеец Белинский, отрицавший в то же время Европу, оказался в высшей степени русским (по менталитету, которым были впоследствии отмечены и многие большевики – В.Ш.), несмотря на все провозглашенные им о России заблуждения, а коренной древнейший русский князь Гагарин, став европейцем, нашел необходимым не только перейти в католичество, но уже прямо перескочить в иезуиты”. – Достоевский Ф.М. Дневник писателя. СПб.: Лениздат, 2001. С. 249-250.
- ¹¹ Литературное Наследство. Т. 97. Кн. 2. С. 59.
- ¹² *Б.К. Зайцев.* Тютчев. Жизнь и судьба (К 75-летию кончины) // Таинник Ночи. Зарубежная Россия и Тютчев. М.: Русский мир; Жизнь и мысль, 2008. С. 236.
- ¹³ См. комментарии: *Тютчев Ф.И.* Полн. собр. соч. и письма в 6-и т. Т. 1. С. 283.
- ¹⁴ *Тютчев Ф.И.* Полн. собр. соч. и письма в 6-ти т. Т. 1. С. 20-21 (курсив Тютчева).
- ¹⁵ Там же. С. 22-25 (курсив Тютчева).
- ¹⁶ *Тютчев Ф.И.* Полн. собр. соч. и письма в 6-ти т. Т. 1. С. 25 (выделено мною – В.Ш.; курсив Тютчева).
- ¹⁷ *Королева Н.В.* Тютчев и Пушкин // Пушкин: Исследования и материалы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. Т. 4. С. 184.
- ¹⁸ После окончания Лицея в 1819 г. Пушкин пишет, например, эпиграмму на А.С. Стурдзу, одного из первых в светской среде своего времени искренних апологетов Православия и христианского Царства: “Вкруг я Стурдзы хожу, / Вкруг библического, / Я на Стурдзу гляжу, / Монархического”. – См. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в одном томе. М.: “Империум”; “Красная площадь”, 1999. С. 112.
- ¹⁹ *Тютчев Ф.И.* Полн. собр. соч. и письма в 6-ти т. Т. 1. С. 34-35.
- ²⁰ Там же. С. 172. См. также комментарий на С. 453.
- ²¹ Там же. С. 52-53.
- ²² *Тютчев Ф.И.* Полн. собр. соч. и письма в 6-ти т. Т. 1. С. 280 (курсивом выделено мною – В.Ш.)
- ²³ Там же. С. 139.
- ²⁴ Там же. С. 156 (курсивом выделено мною – В.Ш.).
- ²⁵ Там же. С. 85 (курсивом выделено мною – В.Ш.).
- ²⁶ По-немецки существительные пишутся с заглавной бук-

- вы. В русской письменности этого правила нет, но Тютчев для “веры” в переводе из Гёте делает исключение.
- ²⁷ Тютчев Ф.И. Полн. собр. соч. и письма в 6-ти т. Т. 1. С. 102-103.
- ²⁸ Там же. С. 77, 81.
- ²⁹ Там же. С. 184.
- ³⁰ Там же. С. 143. Тема противостояния низкого земного, греховного, страстного, ошибочного, с одной стороны, и высокого небесного, божественного, возвышенно-чистого, истинного, с другой стороны, была постоянной у Тютчева. В октябре 1861 г. он пишет аналогичное “самокритичное” покаянное стихотворение (“Хоть я и свил гнездо в долине...”) о человеческой душе, которая “жаждет” отвергнуть “все удушливо-земное” и быть ближе к тем вершинам, по которым “незаметно” шествуют “Небесные Ангелы”. – См.: Тютчев Ф.И. Полн. собр. соч. и письма в 6-ти т. Т. 2. С.103.
- ³¹ Тютчев Ф.И. Полн. собр. соч. и письма в 6-ти т. Т. 1. С. 74-75.
- ³² Цит. по: Тютчев Ф.И. Полн. собр. соч. и письма в 6-и т. Т. 1. С. 361 (комментарии).
- ³³ Тютчев Ф.И. Полн. собр. соч. и письма в 6-ти т. Т. 2. С. 37.
- ³⁴ Там же. С. 40.
- ³⁵ Там же. С. 75 (выделено мною – В.Ш.).
- ³⁶ Там же. С. 83 (курсивом выделено мною – В.Ш.).
- ³⁷ Там же. С. 130.
- ³⁸ Там же. С. 223 (курсив Тютчева).
- ³⁹ Тютчев Ф.И. Полн. собр. соч. и письма в 6-ти т. Т. 2. С. 134.
- ⁴⁰ Там же. С. 113.
- ⁴¹ Там же. С. 617-618 (Комментарии).
- ⁴² Тютчев Ф.И. Полн. собр. соч. и письма в 6-ти т. Т. 2. С. 260.
- ⁴³ Первое стихотворение юный десятилетний поэт (1813 или 1814 гг.) посвятил матери, написав ко дню её рождения: “Молю я Господа, чтобы в сей день блаженный / Продлил жизнь маменьки нам милой и любезной. / Чтобы она щастлива в жизни сей, / Утешена всегда от любящих детей...”. Второе стихотворение десятилетнего же автора было посвящено “Любезному папине” и написано ко дню рождения отца. В нем, обращаясь к отцу, которого сравнивает с солнцем, оживляющим все вокруг (“Нежнейший муж, отец благотворитель / Друг истинный добра и бедных покровитель”), юный Тютчев, еще ребенок, желает родителю: “Да в мире протекут драгие дни твои! / Детей и подданных любовью окруженный...”. - См. Тютчев Ф.И. Полн. собр. соч. и письма в 6-ти т. Т. 1. С. 11, 277 (комментарии).
- ⁴⁴ Русский архив. 1886. № 12. С. 534.
- ⁴⁵ Тютчев Ф.И. Полн. собр. соч. и письма в 6-и т. Т. 3. С. 198, 139, 130 (курсивом выделено мною – В.Ш.).

RELIGIOUS BASIS OF F.I. TYUTCHEV'S FREE CONSERVATISM

© 2009 V.N. Shulgin

Immanuel Kant Russian State University, Kaliningrad

The author examines the debatable question of religiousness of F.I. Tyutchev, a classic of Russian free conservatism of the XIX century. The author, with the help of the analysis of Tyutchev's poetical works, differentiates the concepts of “religiousness” and “ecclesiasticism” and comes to a conclusion about original Christocentrism of the poet-thinker. The author also reveals the connection between Tyutchev's famous conservative political works and his religious sentiments.

Key words: free conservatism, Russian conservative tradition, Byzantinism, conservative triad.